

А.П. ГОЛУБЦОВ

ИЗ ЧТЕНИЙ
ПО ЦЕРКОВНОЙ
АРХЕОЛОГИИ
И ЛИТУРГИКЕ

Александр Голубцов

**Из чтений по церковной
археологии и литургике**

Православное издательство "Сатись"

1911

Голубцов А. П.

Из чтений по церковной археологии и литургике /

А. П. Голубцов — Православное издательство "Сатись", 1911

ISBN 5-7373-0093-5

Эта книга впервые вышла в свет в августе 1917 года. До страшных дней октябрьского переворота оставалось совсем немного времени... Автор книги – Александр Петрович Голубцов (1860–1911) – выдающийся ученый и блестящий преподаватель Московской Духовной Академии, автор многих трудов. Его церковно-исторические и церковно-искусствоведческие исследования уникальны своей глубиной, многообразием привлеченного материала, четко обоснованными, хотя подчас и неожиданными, суждениями. Современники говорили о нем, как о человеке истинной нравственной высоты и приверженности Церкви. Это, безусловно, сказалось и на его трудах. Предлагаемое новое издание отличается тщательной выверенностью текста и уточненной греческой и латинской терминологией.

ISBN 5-7373-0093-5

© Голубцов А. П., 1911

© Православное издательство
"Сатись", 1911

Содержание

Введение	7
I	7
II	20
Краткий обзор дохристианских культовых сооружений	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Петрович Голубцов

Из чтений по церковной археологии и литургии

© Издательство «САТИСЪ», 2017

* * *

Настоящее издание – посмертное: оно начато после смерти автора и выполнено при отсутствии каких-либо указаний с его стороны. Курс по церковной археологии и литургии покойный автор читал в Московской Духовной Академии в течение 25 почти лет (1887–1911), и чем дальше шло время, тем определеннее складывалось у него намерение обработать свой курс в пособие для слушателей, но внезапная ранняя смерть помешала осуществиться этому намерению. Имея в виду действительную бедность русской церковно-археологической и литургической литературы общими доступными руководствами и, в то же время, доподлинно зная, что в основу научных воззрений и методов преподавания покойным профессором были положены точки зрения и традиции, установленные его знаменитым предшественником по кафедре И. Д. Мансветовым, издатель-сын, в согласии с советами близких к автору лиц, счел возможным взять на себя смелость собрать в одном издании все, что в виде ли напечатанных еще самим автором статей или в форме рукописных набросков являлось составной частью читанного им курса.

Как и естественно при выполнении посмертного издания, пришлось встретиться с многочисленными затруднениями, пришлось мириться со многими недочетами, устранить которые при отсутствии автора не всегда представлялось возможным. Издателю было хорошо известно, что многие статьи, вошедшие в настоящую книгу, например «Из истории русской живописи», автор не считал возможным выпустить во 2-м издании без переделок, что весь курс он собирался обработать более тщательно, полагая на это потребным немалый срок времени. Многие записи сделаны слишком давно (в 1895–1896 годах), чтобы не устареть в некоторых подробностях; другие, наоборот, – писаны наспех в самый последний год жизни, частью не dokonчены изложением, ни разу даже не прочитаны в аудитории и не проверены, каковы, например, последние отделы в обеих частях.

Отсутствуют в книге многие крупные отделы курса, которые были читаны, но по которым не сохранилось собственноручных записей автора: таков, например, отдел об архитектуре, читанный автором обычно по иллюстрациям или при световом фонаре, а потому, вероятно, и не записанный им самим; здесь сохранились лишь так называемые билеты, краткие студенческие записки, иногда правленные, правда, самим автором; полного подбора их также не сохранилось и печатать их не представлялось удобным.

Благодаря разновременной работе над частями курса, кое-где, при трактовании смежных вопросов, в книге встретятся повторения или даже, может быть, некоторая несогласованность суждений по одному и тому же вопросу.

К концу своей преподавательской деятельности покойный автор вообще свободнее излагал свой курс, не придерживаясь своих старых записей и, в то же время, не исправляя их.

Выпуская книгу при таких обстоятельствах, с указанными пробелами и недочетами, вина за которые не может быть никоим образом возложена на автора, никогда и никому не дававшего своего согласия на издание книги в предлагаемом виде, издатель воздержался от всякой редакторской работы над текстом «Чтений», не обладая сам для того специальной подготовкой и не имея возможности поручить эту работу кому-либо из специалистов. Вся его работа сводилась

лишь к стилистическим исправлениям, к установлению правильного чтения того или другого места, изложенного в нескольких вариантах, к устранению явных недосмотров и неточностей и, наконец, к разделению «Чтений» на главы. Все прежде напечатанные статьи из курса теперь перепечатаны целиком и без изменений, а потому читатель, может быть, встретит несколько страниц в книге, которые обычно, а может быть, и никогда, не читались перед аудиторией.

Строг, до крайности щепетилен был покойный автор не только к печатному, но и ко всякому публичному слову, категорически заявлял он о необходимости обработки курса. Да простит он нам, если, издав книгу в предлагаемом читателю виде, мы поступили против его желания, не соблюли условий, им призванных за необходимые! Наше оправдание – в его неожиданной смерти и в его строгой мысли, которая вселяет в нас надежду, что все существенное в «Чтениях» изложено так, как и нужно, и что ошибки и недосмотры могут быть лишь во второстепенных частностях. Надеемся, что благосклонный читатель не поставит их в вину автору, а люди, дорожащие его добрым научным именем, не посетуют на издателя.

Первая часть книги, отведенная церковной археологии, если не считать отсутствующего почти целиком отдела об архитектуре, составила часть из статей, кои, возникнув из курса, были напечатаны еще самим автором; сюда относятся статьи: «Места молитвенных собраний христиан I–III веков», «Об отношении христиан первых трех веков к искусству», «Изображения Иисуса Христа», «Об изображениях Божией Матери», «Из истории изображений креста и крестного знамения», «О греческом иконописном подлиннике», «Из истории древнерусской иконописи». Остальные главы и отделы первой части печатались впервые лишь по смерти автора для настоящего издания.

Начав издание почти шесть лет тому назад, издатель лелеял мысль снабдить книгу иллюстрациями и поставить ей дешевую цену. Теперь, выпуская книгу в свет в обстоятельствах военного времени и страшной дороговизны, невольно приходится отказаться и от той, и от другой мысли.

Издатель с глубокой благодарностью вспоминает о том благожелательном гостеприимстве, которое было оказано некоторым отделам курса редакцией «Богословского Вестника», и о той моральной поддержке и весьма ценных советах, в которых никогда не приходилось получать отказа со стороны некоторых близких к покойному автору его сослуживцев.

И. А. Голубцов 8 августа 1917 г.

Введение

I

Археология как наука; возражения против ее научной состоятельности; понятие об археологическом памятнике; предмет церковной археологии и связь с последней литургии; замечания об отношении древнехристианского быта к церковно-обрядовым формам. Как понимают науку церковных древностей на Западе. Вспомогательные научные отрасли церковной археологии; значение для разработки ее классической археологии и истории. Задача церковной археологии.

При изложении каждой науки обязательны некоторые предварительные объяснения и соображения. Цель их состоит в том, чтобы показать, чего можно ожидать от науки и на какие вопросы она дает ответ. Я не скрою слабых, скажу более, непривлекательных сторон своей специальности, – точно так же, как не пройду совсем молчанием и того, чем, по моему убеждению, она заслуживает право на внимание не только ученого специалиста, но и каждого образованного человека. В этом случае мне предстоит щекотливая задача на первый же раз развернуть базовый конец нашей науки и произнести последнее слово, к которому пришла она после упорных и кропотливых, удачных, но еще чаще – неудачных работ своих многочисленных и иногда самоотверженных тружеников. В общем вступительном очерке каждая наука представляется более или менее привлекательной: последние выводы, великие научные открытия и громкие имена ученых способны озадачить и привлечь внимание всякого, вступающего в неведомую область знания, где перед его глазами намеренно собраны наиболее ценные и выдающиеся вещи. Впечатление он выносит довольно сильное, но жестоко ошибся бы тот, кто подумал бы, что при внимательном изучении этой новой отрасли знания ему придется часто любоваться красивыми видами и иметь обращение только с этой лицевой стороной дела. Если он дилетант, он остановится перед этой внешностью и далее ее не пойдет; но если кто захочет узнать дело обстоятельно и отдать себе ясный отчет в виденном, тому придется отказаться от красивых видов и взглянуть на обратную сторону медали. Но ведь хорошо известно, что эта сторона не очень привлекательна, что изнанка не всегда бывает красива, хотя по ней-то собственно и узнается работа ткача и доброта материала. Церковная археология, быть может, более, чем какая-либо другая наука, обладает незавидным свойством отталкивать от себя сухостью своего содержания и отсутствием жизненного интереса.

В ряду многочисленных отраслей исторической науки она – одна из самых старых по материалу, которым занимается, и едва ли не самая молодая по времени своего появления на свет, по степени обработки и систематизации. Может быть, благодаря этой отсталости она не успела еще занять настоящего положения в ряду сродных ей специальностей и не нашла себе должной оценки в школе и обществе.

Ни в какой научной области контраст между серьезным пониманием и ходячими представлениями не достигает таких крупных размеров, как в науке древностей. В то время как специалисты, вследствие очень понятного психологического процесса, преувеличивают значение предмета своих занятий и готовы в археологии находить решение чуть ли не всех вопросов, связанных с историей человека, другие, напротив, с понятием археологии продолжают соединять представление о таком знании, которое не имеет под собой надлежащей почвы, теряется в мелочах и занимается вопросами, ни к чему не ведущими. Разумея под материалами археологии разные обломки, обрывки и всякого рода старье, они считают занятие этим предметом забавой праздного любопытства и много-много ученой роскошью. Судить о том, что может сделать в будущем наука древностей, еще не пришло время – это можно угадывать, но не решать:

можно оспаривать введение этого предмета в курс нашей средней школы, но едва ли возможно уже теперь сомневаться в справедливости мысли, что этой еще сравнительно молодой отрасли знания предстоит завидная будущность, когда в ее распоряжение поступит более обширный вещественный материал, а главное – будут выработаны строгие приемы или методы для оценки этого материала и для заключений об его исторической ценности.

В то время, как другие науки уже привели в известность находящийся в их распоряжении материал, археология все еще его собирает и успела собрать далеко не все, что можно и нужно для приведения в известность своих средств и для определения границ своих исследований. По некоторым отделам она ходит еще ощупью и покуда не имеет возможности выбраться на прямую и торную дорогу. Недостаток строго выработанного метода и точных критериев для научной оценки уже имеющихся данных составляет большое место современной археологии, является мишенью для всевозможных нападков на археологию со стороны ее научной состоятельности. Нападки эти действительно сильны, но археология может принять их на себя только отчасти. Значительная доля этой несостоятельности должна пасть на слабое развитие некоторых отраслей исторической науки, например, этнографии, палеонтологии, палеографии, народной психологии и даже лингвистики. Чтобы представить дело нагляднее, укажу несколько примеров из общей археологии. До сих пор, например, не выработано вполне положительного критерия для определения стиля первобытных украшений на посуде и костяных орудиях древнейшего периода человеческой жизни, не классифицированы эти признаки по эпохам и племенам, и, таким образом, наука довольствуется выводами приблизительными и заключениями предположительными. Не выяснены даже вполне особенности, отличающие искусство и ремесла у народов исторических, между тем как каждое племя, каждый народ кладет особенную печать на свои изделия и на свой быт, согласно своему вкусу, а заимствованное у других видоизменяет.

Поверхностны возражения, направляемые на археологию со стороны материала, который подлежит ее изучению. Говорят, что черепки, кости, куски заржавленного металла, остатки древних зданий и нацарапанные неизвестно кем и для чего надписи – не научный материал, что наука древностей занимается пустяками и не имеет ничего общего с серьезным знанием. Подобное суждение, основанное на недоразумении, и есть результат неясного представления об археологическом памятнике и неумелого к нему отношения. Но так как на этот счет строгое понятие еще не установилось, а между тем без него невозможна систематическая постановка археологии как науки, то я и сделаю несколько замечаний о том, что нужно разуметь под археологическим памятником и все ли вещественные остатки древности имеют право на это название.

В отношении предметов древности существуют две крайности, весьма невыгодно отзывающиеся на науке. Одни переоценивают их, другие недооценивают. Положим, мы нашли кусок мозаики или обломок старинного сосуда. Ультра-археолог, которого мы назвали переоценщиком, без дальних околичностей сохранит эту находку, перенесет в свою домашнюю коллекцию и, если он человек богатый, поместит под витриной. Последний – недооценщик – не обратит на этот фрагмент никакого внимания, потому что, по его представлению, археологический памятник есть нечто цельное, характерное, образцовое. И тот, и другой неправы перед наукой. Первый вносит в нее приемы старьевщика и отождествляет археологический предмет с редкостью; последний применяет к оценке памятника масштаб не научный, придавая значение только предметам монументальным и хорошо сохранившимся. Держась такого одностороннего представления, он суживает в ущерб науке объем материала, подлежащего ее оценке. Где же правда и научное отношение к предмету? Укажу здесь несколько признаков, которые существенно необходимы для характеристики археологического памятника, для выделения и отличия последнего от того, что называется находкой и антикварным предметом.

Чтобы быть памятником археологическим, предмет должен служить наглядным отображением древнего быта или характеризовать воззрения известного времени. Он должен носить на себе печать эпохи, господствующего в ней вкуса и понятий. Угадать эти черты – это уже другой вопрос, решение которого будет зависеть не от качества материала, а от подготовки и умения ценителя. При отсутствии исторической характеристики предмет должен носить, по крайней мере, отпечаток личных отношений, – пусть это будут даже индивидуальные черты, положенные на него лицом, которое его сделало или им владело. Мы, например, имеем много колец и печатей от византийской эпохи. Одни из этих предметов могут служить образчиками тогдашнего мастерства; другие выражают суеверные понятия того времени и употреблялись как филактерии и амулеты; третьи разъясняют историю византийских святых. Это сторона общая. Но вот г. Детье находит в Константинополе и описывает перстень с печатью Иоанна Каппадокийца, известного деятеля и сотрудника имп. Юстиниана. В общем – кольцо не дает ничего нового сравнительно с другими известными кольцами, но по имени владельца, по личным условиям, оно приобретает значение памятника. К этому же роду типичных признаков относятся и приписки в рукописях. Они определяют время происхождения манускрипта, имя писца и владельца; говорят о назначении рукописи: предназначалась ли она для личного употребления, или для вклада в церковь на помин души, или для пополнения библиотеки. То же нужно заметить об имени живописца на иконе и мастера на других предметах утвари.

В том случае, когда дело идет о предметах мелких, сохранившихся не вполне, пострадавших от времени и представляющих из себя в собственном смысле обломки и случайные обрывки древних предметов, одним из существенных условий научного значения подобных остатков служит определение условий их нахождения, отношение к другим вместе с ними найденным (если таковые находились) и сравнение с однородными предметами, уже известными и оцененными в науке. Таким образом, старинный железный гвоздь, найденный где-нибудь случайно, не может привести ни к какому научному выводу и не может считаться археологическим памятником; но если тот же самый гвоздь найден в древней могиле, он указывает уже его происхождение из эпохи так называемого железного века и, в свою очередь, проясняется другими предметами могильного инвентаря со стороны своего бытового значения. Вне этих условий он остается только железным гвоздем и научного значения не имеет. Точно так же и отвалившийся кусок штукатурки со следами живописи не имеет сам по себе археологического значения, если неизвестно, на каком месте и при каких условиях он найден, к какому роду относится по характеру живописи. При отсутствии этих условий он теряет право на признание его археологическим памятником и может попасть под витрину антиквария, как раритет или любопытный предмет, но не больше. Следует иметь в виду и степень сохранности памятника. Сколько древних надписей дошло до нас в таком поврежденном виде, что они не только не могут быть удовлетворительно прочитаны и объяснены, но даже их смысл и палеографические признаки остаются совершенно неразгаданными.

Разъяснив, таким образом, что не всякий предмет старины имеет право считаться археологическим памятником, мы должны прибавить в заключение, что это значение они удерживают или теряют не столько от собственной маловажности, сколько благодаря отсутствию тех условий, при которых и самые незначительные остатки старины становятся надежным материалом и могут привести к историческим заключениям. Благодаря невниманию к этим признакам археологов старого времени, наука древностей потеряла немало весьма ценного материала и потеряла не от исчезновения памятников, – нет, лучше было бы, если бы они и доселе не являлись на свет Божий, – а от того, что добывали их неумелой рукой, отрывая от окружающей обстановки, с которой они стояли в тесном родстве и от которой получали известный свой смысл и освещение. Подобные предметы потеряны для науки, а что еще хуже, дают повод к ошибочным заключениям. Так, например, перемещение костей и следы на них от грызунов в могилах повели к созданию людоедства в таких местах, где его не было. Недоразумение про-

изошло от невнимания к условиям первоначального положения этих останков и поверхностного их анализа.

Третий упрек, который делают археологи, относится к мелочности и узкости ее работ, к разбросанности ее материалов и отсутствию в археологии широких обобщений. «Ограничиваться изучением деталей, разрабатывать материальную сторону вещественного памятника, расплываться в этом разнообразии – задача слишком ничтожная, – говорят, – для науки и едва ли оправдывает те усилия, которых требует изучение археологических памятников». В истории почти каждой науки была пора, когда она занималась частностями и мелочами, изучала отдельные факты и терялась в подробностях, не всегда отдавая себе ясный отчет в том, к чему приведет вся эта предварительная работа и какое здание сложится из этих разрозненных, случайно попадавших под руку материалов. Археология долее других держалась и держится на почве этого кропотливого труда, копаясь в земле, собирая обломки, роясь в пыли библиотек и читая по складам старинные надписи и фолианты. Трудолюбивый исследователь, которому теперешняя наука обязана своим фундаментом, имел перед глазами кучу разбросанного где попало материала, разбирал и приводил его в порядок и мало-помалу доходил до его исторического значения. С этой поры началась уже классификация разбросанного материала, и из кучи обломков стал собираться музей, в котором каждая вещь нашла свое место в составе целого согласно с хронологическими и историческими условиями ее происхождения. В этом, уже обработанном, виде археологические памятники подлежат теперь нашему изучению. Мы имеем дело не с обломками, Бог весть откуда к нам попавшими, не с массой фрагментов сомнительного достоинства, не с знаками непонятных алфавитов, нацарапанными неизвестно кем и для чего, не с обрывками старого костюма, не с диковинками и редкостями, но с историческими памятниками, как с представителями древнего быта человечества. Мы руководимся выбором, мы изучаем исторический факт, у нас есть уже цель положительная. Относясь подобным образом к делу, мы равно далеки и от поверхностного дилетантизма, который в археологическом материале видит коллекцию старинных диковинок, и от узкого специализма, который смешивает мелкое и крупное, неважное и важное, ценит факт для факта и не заходит далее его одиночного значения.

К счастью, для нашей науки проходит эта схоластическая пора, и живая историческая мысль начинает связывать и проникать в изучение мертвых и немых памятников древности. Но «мертвые и немые» – понятие относительное. Это – выражения, которые от частого употребления сделались стереотипными, но которых смысл далеко не так ясен, как того требовала бы санкция их долговременного употребления. Памятник отдаленного прошедшего мертв, но лишь до тех пор, пока не поняли его значения в исторической жизни; он нем до тех пор, пока не выучились понимать его язык, не прислушались к его говору о том далеком прошлом, от которого он уцелел до нас. И если бы можно было собрать воедино этих неподкупных свидетелей давно минувшего и прислушаться к тому, что говорит через них прошедшая жизнь человечества, тогда перед нами повторилась бы его прошлая судьба, предстали бы интересы и задачи наших отдаленных предков. Палеонтолог, изучая строение и функции какого-либо ископаемого организма, геолог, анализируя состав и особенности различных формаций, трудятся в той же области и для тех же целей, что и археолог. Как для первых задача простирается гораздо дальше изучения той или другой окаменелости, организма, той или другой формации, а центр тяготения их работ лежит в тех выводах, к которым приводит изучение форм ископаемого мира, так и для археолога не пергамен старого фолианта имеет ценность, не остаток разрушенного здания сам по себе – драгоценная находка, а те исторические и бытовые отношения, которые уясняются по монументальным остаткам прежнего. Объясним это нагляднее. Археолог, разрывая курган, открывает под насыпью могильный склеп и в нем – скелеты покойников, как они лежали, может быть, целые сотни лет, а около них – разные вещи из домашнего обихода: сосуды, оружие и металлические принадлежности костюма. По этим остаткам он вос-

крешает бытовую жизнь могильного племени, давно уже исчезнувшего с лица земли, воспроизводит обряды погребения, угадывает его представления о загробной жизни и делает много других заключений об исторической судьбе обитателей этого некрополя. Часто одна какая-нибудь надпись открывает из минувшей жизни народов такие подробности, о которых молчит предание и забыла народная память. Сколько, например, света пролито было в свое время в египетскую древность, когда Шампольон нашел ключ к чтению иероглифов и разобрано было клинообразное письмо ассириян! Как увеличилось сведения о жизни древних египтян и римлян после исследований Лепсиуса и раскопок на месте древней Помпеи! Не буду говорить о крупном научном значении последующих открытий Смита в Ассирии и Шлимана на месте древней Трои и Микен и весьма-весьма многих других позднейших исследователей. Эти приобретения слишком вески для того, чтобы оценить их значение в нескольких общих фразах. Переходя к временам более близким, мы видим, что благодаря эпиграфике разъяснилось многое из древнейшей истории христианства. Доказано, например, что некоторые члены римской императорской семьи во II и III вв. уже исповедовали христианство, а продолжающаяся и до сих пор разработка катакомб привела ко многим выводам, совершенно изменяющим исторические воззрения, основанные на рассказах церковного историка Евсевия и других письменных памятниках. Таково, по нашему мнению, истинное значение археологического памятника, и таково должно быть научное отношение к нему.

Представляется вопрос: какого же рода памятники подлежат нашему изучению? Все то, что носит на себе следы древности, свидетельствующие о той или другой стороне древнего быта, подлежит ведению археологии в широком смысле этого слова. Могильный курган с его содержимым, древние утвари и одежды, монеты и медали, памятники зодчества, живописи и ваяния – все это и многое другое входит в понятие археологии. Но самое название нашего предмета – *церковная археология* – дает уже первый общий признак для специализации обширного и разнообразного археологического материала, подлежащего изучению науки древностей, и определяет круг наших непосредственных занятий. Но на счет этого названия нужно еще договориться и разъяснить, в каком смысле оно может быть принято. Как и большая часть названий наук, оно условно и приобрело право гражданства своей стародавностью; на самом деле, в приложении к нашей специальности, оно очень широко, неопределенно и не дает ясного представления о деле. В понятие церковной археологии¹, отправляясь от этого названия, входит все, что когда-либо существовало в древней церкви, а теперь отчасти вышло из употребления, отчасти еще существует, но уже в измененном виде. Такое широкое обозначение позволяет подводить под него все вообще формы, в каких выражалась древнехристианская жизнь: будут ли это формы вероучения и богослужения, или канонические постановления, или отношения бытовые. Но это было бы такое сложное содержание, для обозрения которого потребовалось бы изложение истории вероучения, церковного обряда, канонического права, что вовсе нейдет к нашей специальности и для нашего изучения не обязательно. Поставленное в такие широкие рамки, это название есть остаток прежнего понимания, когда под археологией в греко-римском мире разумели собственно древнюю историю, изображение событий и учреждений отдаленного прошлого. В первый раз это слово было употреблено Платоном в его диалоге *Гиппиас*, где словом *ἀρχαίολογία* он обозначает рассказы о древних народах, героях, людях и их быте, о том, как в древности создавались города. Все эти рассказы о минувших временах (сокращенно *συλλήβη*) называет он *ἀρχαίολογία*. Понятно, что область церковной археологии гораздо теснее не только что такового понимания, но и определения ее в смысле науки христианских древностей. Не разбрасываясь по другим специальностям и не захватывая не принадлежащего материала, церковный археолог ближайшим образом имеет дело с двумя категориями данных, именно: с формами церковного богослужения (культы) и отчасти древнехристианского быта.

¹ Как справедливо замечает Герике в своем руководстве, – Guericke, Lehrbuch der christlich kirchlichen Archäologie.

В понятие церковного культа входят две стороны: *литургическая*, то есть различные формы богослужбной обрядности в их историческом развитии, и *монументальная* – те вещественные средства, которые составляют обстановку и материал литургических действий, то есть храм, как архитектурное целое, со всеми приспособлениями относящимися к богослужению, церковная живопись, одежды, утварь и все вообще вещественные богослужбные принадлежности. Задача первой части – изложить историю церковного обряда; задача второй – представить историю церковного искусства, по крайней мере, в его главнейших отраслях. Взятые вместе эти части соответствуют тому, что на языке классической археологии называется *antiquitates religiosae*, древности религиозные. Но кроме форм богослужения в область церковной археологии, как я сказал, входит еще отчасти изучение древнехристианского быта. Под словом *быт* мы разумеем внешнюю обстановку повседневной жизни, те ее формы и обрядности в которых выражаются потребности общежития, заботы о пище, одежде и жилище, духе общества и его мирозерцание. Объединяя в своей программе формы церковно-литургической и бытовой жизни, я не ввожу, как может показаться с первого взгляда, двух обособленных категорий данных, но беру две стороны одного и того же явления, связанные друг с другом органически, имеющие самые близкие точки соприкосновения. Справедливое вообще, это положение получает особенную силу, когда речь идет о первоначальном христианском обществе, где жизнь церковная или то, что теперь называют культом, не стояла совсем особняком и не выделялась чересчур из условий повседневного быта, но нередко отсюда брала свое начало и здесь коренилась, как на своей почве. Если эти два главных вопроса нашей науки перевести на язык общей археологии или, употребляя школьное выражение, *archeologia profana*, то они будут, пожалуй, соответствовать двум главным отделам последней: истории искусства и этнографии. Не научно, конечно, выделять памятники искусства из памятников быта, потому что пограничная черта между ними неуловима, и переход от одних к другим нельзя отделить демаркационной линией. Но принимая это деление за остаток старого понятия об археологии как об истории искусства и притом искусства античного, мы вправе отнести в эту часть памятники монументальные, в которых высказались не будничные стремления человека, а художественные воззрения и идеалы целой эпохи и целых народов. В науке церковных древностей этому отделу будет соответствовать история церковного искусства, выразившаяся в монументальных памятниках, имеющих связь с общей культурой человечества. Что же касается до этнографии, задача которой состоит в изучении народного быта и его психологических особенностей, то под эту категорию отойдет другая часть нашей специальности – история церковного обряда и отчасти древнехристианского быта. Это последнее соображение мы разовьем подробнее в своем месте, а теперь сделаем несколько кратких объяснительных замечаний об отношении бытовых форм к церковно-обрядовым.

Вопрос о взаимном отношении богослужения – или культа, как говорят на Западе – и быта, до сих пор не был предметом нарочитого, специального изучения, сколько мне известно, и находился даже под влиянием особых доктрин, препятствовавших его научной постановке. Связь между этими явлениями или не понимали, или игнорировали, или даже искусственно разрывали. Под влиянием ультра-религиозных воззрений находили даже несовместимым с честью и достоинством церковного обряда проводить какую-либо внутреннюю связь между ним и обычаями житейской практики. В церковном богослужении или культе склонны были видеть скорей противодействие и отрицание форм бытовых, нежели какие бы то ни было родственные стороны с ними. Подобные доводы нельзя назвать основательными ни с точки зрения церковной, ни с точки зрения исторической, и вот почему. Как церковные, так и бытовые обряды имеют свое основание и разъяснение в законах и формах общечеловеческого или местного символического языка. Каждый литургический обряд, как известная богослужбная форма, представляет или одиночный символический акт, или целый ряд подобных актов, выразителями которых служат особые движения, особенные священнодействия и известная груп-

пировка внешних знаков или вещественных предметов. Таких органов или как бы факторов обряда очень много, но все они сводятся к известным элементарным действиям и приемам, которые лежат и в основе обрядов бытовой жизни. Верная вообще эта мысль получает еще большую силу, когда мы возьмем во внимание не повседневную, будничную обстановку жизни, а те ее формы, которые складывались по поводу знаменательных явлений ее и, как выходявшие из ряда обыкновенных, были отличаемы типичными обрядами. Сошлемся в примере на обычаи, наблюдавшиеся в древности при рождении ребенка, при заключении брачных союзов, при похоронных церемониях и поминальных обрядах. Во всех этих случаях житейский обряд пользовался в главных чертах теми же средствами, какие были приняты и в церковном богослужении для выражения соответствующих идей. Только при этом никогда не нужно упускать из виду, что церковный обряд в его установившемся, неподвижном строе сохраняет древние, архаические формы общечеловеческой символики, а бытовой обряд постоянно меняется под влиянием успехов культуры, с развитием вкуса и житейских удобств. Поэтому было бы по меньшей мере странно, если бы кому-либо вздумалось, например, проводить параллель между житейским костюмом недавнего прошлого и церковными одеждами; но другое дело, если взять для сравнения еврейские одежды, греко-римский костюм и его видоизменение в Византии: тогда эта параллель окажется необходимой и уяснит многое в составе теперешнего нашего богослужебного облачения. Молитвенные жесты христиан, за исключением, разумеется, крестного знамения, столько же принадлежат христианскому миру, сколько и дохристианскому; столько же были употребительны в житейской практике, сколько и в христианстве. Или, например, круговое хождение – хоровод, эмблема, на наш взгляд, солнца и солнечного пути, с незапамятных времен сделалась выражением радости и веселья в быту народном. Припомним аналогичное явление и в литургической практике, в обрядах обхождения новокрещенного вокруг купели, посвящаемых в иерархические степени – вокруг престола, новобрачных – вокруг аналая, крестных ходов – вокруг храмов, городов и селений. Внутреннему значению этого обряда – символа радости духовной – соответствует и литургический язык. В самом деле, каким словом обозначается этот обряд кругообразного хождения? Словом *χορεύειν* (от *χορός* – хор, хоровод, хороводный танец с пением), что значит: водить хороводы, плясать, веселиться, ликовать, и этим последним словом переводится *coreūw* в известном стихе, который поют при обхождении посвящаемых, новобрачных: *Исайе ликуй*. В наших старинных требниках эта бытовая черта нашла себе место в следующем характерном выражении: *ходить около, узоколь*, а известно, что коло в старославянском языке означает круг, колесо, кольцо, а по аналогии с круговым движением – и самый хоровод. Так обряд специально церковный сводится к простейшей основе, к элементарному обряду, в каком выражает себя общечеловеческое сознание. Употребление перстней и венков во время брачных церемоний, процессии с зажженными светильниками, курения и разные виды целования во время служб, устройство престола, основой для которого послужил стол, украшение храмов живописью и резьбой – откуда взялись все эти литургические подробности, чему они обязаны своим значением, неотразимым влиянием на чувство человека? Почему все эти формы так близки и доступны всем, так много говорят нашему сердцу и сделались воспитательным орудием в руках христианской церкви? Уж конечно не потому, что они придуманы, приноровлены, но благодаря общей психологической основе, на которой держатся. Есть обряды, впрочем очень немногие, имеющие, так сказать, универсальный, общечеловеческий характер. Они не принадлежат одному какому-либо народу или определенной местности, не выработаны какой-либо отдельной религиозной сектой и не составляют принадлежности частного культа или богослужения, но выражают общечеловеческое содержание и притом в такой форме, которая вполне отвечает этому содержанию и ясно говорит сознанию различных эпох и народностей. Такие всеобщие мировые формы символики стоят выше религиозного партикуляризма и берут начало из тех же источников, к которым обращается порой и христианское религиозное созерцание. Вот почему рядом со

специфическими формами библейской символики древнехристианское искусство включает в себе несколько и таких, которые имели место в античном искусстве и наблюдались в домашней практике греко-римского мира. В этих мировых формах частное и индивидуальное исчезает; они не принимаются и не заимствуются, но составляют общее достояние человечества и необходимый элемент его духовной жизни. Разбирая с этой стороны церковный обряд, мы найдем в теперешнем его строе несколько таких подробностей, которые общи ему с бытовыми формами древнего мира и с языком общечеловеческой символики. Поэтому историк церковного обряда никогда не должен упускать совершенно из вида этой важной стихии в развитии богослужения, а толкователь последнего должен строго отличать внутреннюю его сторону от внешней. Отправляясь от последней, ему предстоит задача выяснить сначала общечеловеческий смысл той или другой церковно-обрядовой формы, а затем уже конкретный, специальный, выработанный церковной символикой.

Развиваемой мысли, по-видимому, противоречит то обстоятельство, что христианская церковь нередко враждебно и отрицательно относилась к обрядам бытовой жизни и старалась всеми мерами искоренять их. Но против самого ли обряда, как известной формы, вооружалась в этих случаях церковь? Конечно, нет, а против тех идей, проводником которых служил обряд. Если идея обряда не включает в себе ничего предосудительного или если она забыта и отжила свой век, тогда и обряд становится безразличной формой, под которой может укрыться самое разнообразное содержание. Так и бывает обыкновенно в эпоху упадка народной жизни, когда стародавние формы быта уже отжили свой век и, потеряв первоначальное значение, обратились в мертвый обряд, которому следуют по привычке и для успокоения совести. В таком случае обряд, как мертвая буква, или совершенно исчезает из практики, или разлагается, и его разрозненные детали или подробности, принимая новые сочетания, входят в состав других обрядов и образуют из себя новые бытовые формы. Эти последние подвергаются той же участи, колеблясь и изменяясь вместе с колебанием народной жизни. Даже и в тех случаях, когда известный бытовой или культовый обряд встречал противодействие со стороны христианства, он не был осуждаем на совершенное уничтожение, но нередко только сглаживался и изменялся под влиянием церковных учреждений и в этом переработанном виде приобретал право на дальнейшее существование. В таком случае происходила или ассимиляция христианского обряда с бытовой практикой, или возникали какие-либо новые учреждения, в которых человек прежнего строя мог найти замену или пополнение своих старых понятий. История средневековой церкви представляет много примеров этой примирительной практики. Так образовались местные народные обычаи, в которых оказалась значительная примесь суеверных понятий, но которые, тем не менее, получили церковную переработку, стали в связь с церковными обрядами и получили объяснение с точки зрения последних. В области теоретической этому направлению соответствует тот способ объяснения древнего мифа, по которому последний является как бы предчувствием христианства, слабым подобием его религиозных идей. У нас, например, еще и до сих пор держится по местам обычай отправлять поминки по умершему в первые дни Фоминой недели. Этот чисто народный обычай получил название *радуниц* и сопровождается подробностями, ведущими свое начало из языческой практики. В эти же дни справляется и церковное поминовение, так как в пасхальную неделю церковного поминовения – девятин и сорокоуста – по древним уставам не полагалось. Народный обычай примыкает к церковному, как дополнительная часть, как уступка стародавнему обряду, но не как самостоятельная часть со своим специально-языческим характером. Или, например, в средние века с началом февраля совпадал языческий праздник очищения, продолжавшийся несколько дней и давший этому месяцу самое название: *februarius* – от *februo*; *februaire enim purgare dicimus quo mense lustrabatur civitas*. В противовес этому празднику папы установили в день Сретения совершать торжественную процессию с зажженными светильниками, обстановка которой была явно рассчитана на противодействие древнеримскому празднику *lustrationis* и могла служить

его заменой. «Исходить с литией вне монастыря» или церкви до часов и литургии 2 февраля, в день Сретения, предписывается и нашим Типиконом.

На том же пути сближения с церковным обрядом действовала и народная практика. В обществе, принявшем христианство, но еще не успевшем усвоить его духа, происходит обыкновенно борьба между преданиями прошлого и новыми религиозными идеями. Общий строй жизни еще продолжает держаться на прежних основах, но рядом с ним слагается другой порядок под влиянием Церкви и ее учреждений. На первых порах и в сферах наиболее замкнутых эти два строя встречаются как две враждебные и одна другой противоречащие формы жизни, но затем острая борьба смягчается, народная жизнь ищет выхода из этого противоречия и старается найти между старым и новым какие-либо общие точки сближения. Время и привычка постепенно сглаживают контраст между ними, снимают со старого более резкие, выдающиеся черты и в этом смягченном виде прокладывают ему путь к сближению с формами церковными. Осмысливая эти последние все еще с точки зрения своих прежних понятий, народ, находящийся на этой ступени религиозного сознания, является двоеверным. Он не только двоятся между старым и новым порядком жизни, между представлениями языческими и христианскими, но старается приурочить последние к формам своего стародавнего быта, связать с ними и в этом виде сделать более доступными пониманию. Под влиянием такого народного понимания лица христианского цикла являются с атрибутами старинных языческих богов. Так, пророк Илия в народном понимании удержал некоторые черты сходства с Перуном; почитание ев. Пятницы или Петки осложнилось суеверными представлениями из народной мифологии; праздник Иоанна Крестителя 24 июня соединился с представлениями и обрядами летнего солнцестояния; ев. Власий заменил древнего Волоса. В истории народных суеверий христианского периода таких параллелей слишком много для того, чтобы могло возникнуть сомнение в действительности такого *qui pro quo*; с этими попытками осмыслить христианский обряд на народный лад приходится встречаться чуть ли не на каждом шагу. Вот почему для изучающего старинный быт народа христианской эпохи, какой бы то ни было местности и происхождения, знакомство с церковным обрядом и его формами может оказать очень важную услугу для понимания самих этнографических явлений и преимущественно для уяснения того пути, которым совершалось развитие и обработка народного обряда с его внешней стороны. Это особенно нужно сказать о той стороне народного быта, которой обыкновенно отводят место под рубрикой «народный дневник», где записываются поверья, легенды, обычаи и обряды, приуроченные к известным дням годового круга; но годичный цикл в этой рубрике расположен по церковному календарю и сама народная практика к нему привязывает так или иначе свои любимые стародавние поверья. На этой переходной ступени своего развития народный обряд получает смешанный характер; с одной стороны, он удерживает черты своего примитивного типа, но, с другой, принимает в себя многие подробности и элементы церковной практики. За примерами такого взаимодействия ходить не далеко и довольно обратить внимание на факты, отмечаемые в наших этнографических сборниках. В некоторых местах Малороссии 15 января до недавнего сравнительно времени справляли праздник «одданья». Одданем, как объясняют это слово в Трудах Этнографической экспедиции, в юго-западной России называется волшебство, посредством которого колдун может сделать, что у человека заведутся во внутренности ящерицы и гады². Что за странное объяснение и как оно сложилось? Вероятно, так. Это поверье и самое название основываются на том, что 14 января в уставе полагается отдание праздника Богоявления, а так как с крещением Спасителя, по церковному представлению, соединилось истребление гнездящихся в воде змиев и драконов, то, очень вероятно, с днем, когда этот праздник прекращается, с отданием, связано поверье, что эти гады и змеи опять приобретают силу. Это церковное представление оказало влияние и на самую иконографию, вызвав на миниатюрах

² Труд. Т. III, народы, дневник.

крещения Христова фигуры драконов и чудовищ под водой. В лицевой псалтири Троицкой Лавры Симона Азарьина, 1634 года, замечательна в этом отношении иллюстрация слов псалма: *Ты стерл еси главы змиев в воде, Ты сокрушил еси главу змиеву* (Пс. 73, 13). Относящаяся сюда миниатюра представляет Крещение Христово в следующем виде. На вершине горы крест с копьем, губкой и другими аксессуарами распятия, под ним – голова Адамова; слева выдается из облака погрудное изображение Бога Отца; из уст его длинный луч света падает на Христа; внизу – под водой – представлены схематически два змия с разинутыми пастьми и высунутыми остроконечными языками, между ними – голова беса; по сторонам – два ангела пронзают его копьями (л. 96). Эта иконографическая подробность и ее объяснение имеют, в свою очередь, основание в словах молитвы при крещении:

«Ты и Иорданския струи освятил еси, с небесе ниспославый Святаго Твоего Духа, и главы тамо гнездящихся сокрушил еси змиев» (л. 34)³. В связи с этим объясняется и легенда о Каине и о рукописании греховном в той форме, как она изложена в апокрифе, изданном покойным Тихонравовым⁴. Двенадцать змиев стерегли это рукописание на дне Иордана, но когда Христос пришел креститься на Иордан, тогда главы змиевы стали в струях иорданских против Господа, и «сокруши змиевы главы в воде». Другой пример подобного же синкретизма в обряде. На второй день праздника Рождества Христова византийские женщины имели обыкновение приносить хлебы в честь родившей Богоматери⁵.

Основой служит праздник в память родин Богородицы, или *ἐπιλόχεια τῆς Θεοτόκου*, положенный 26 декабря в некоторых греческих месяцесловах (о нем же между прочим говорит 79 правило Трулльского Собора). Четверток Страстной недели называется чистым и утром в этот день купаются, но известно, что в этот день воспоминается умовение Христом ног апостолов и справляется подобный же обряд в церкви.

Сводя к общему итогу высказанные соображения, я прихожу к тому заключению, что между обрядом бытовым и церковным всегда были более или менее близкие точки соприкосновения. Это взаимодействие было обоюдное; благодаря ему народный быт оставил свои следы в области церковного обряда, а церковный обряд, в свою очередь, действовал на обработку и склад народных обычаев.

Мы определили нашу науку в смысле истории церковного культа и частью древнехристианского быта. Строгие археологи нашего времени расходятся с принятым нами определением в том отношении, что источником для науки древностей признают только вещественные, монументальные материалы, а письменные памятники допускают лишь в самом ограниченном числе, насколько они нужны для понимания и объяснения вещественных данных. Всего более к их системе христианской археологии подходит понятие истории христианского искусства, но и оно подходит лишь отчасти по свойству материала и оказывается значительно уже по объему разрабатываемых предметов. После проф. Пипера, обработавшего этот вопрос в своем «Монументальном богословии»⁶, лучшим словом по этому предмету продолжает служить монография недавно умершего Крауза, профессора церковной истории сначала в Страсбургском, а потом в Фрейбургском университете, где он вел и курс археологии: «О задачах и объеме церковной археологии»⁷. В этом сочинении Крауз пытается установить понятие, содержание и объем церковной археологии. Под его пером она является наукой очень разнообразного содержания, в состав которой входят: 1) древности церковного управления и права, 2) древности культа, 3) древности частной жизни, 4) древности искусства и 5) древности лите-

³ Σὺ καὶ τὰ Ἰορδάνεια ρεῖθρα ἡγίασας οὐρανόθεν καταλέμψῃς τὸ Ἅγιον Σου Πνεῦμα καὶ τὰς κεφαλὰς τῶν ἐκεῖσε ἐμφλεούτου ἐμφωλεύουτου συνετριφῶς δρακόντων. – Goar Ἐυχολ., р. 371; ed. 2, 1730.

⁴ Памятники отреченной литер. I, 16–17.

⁵ В тот же день на Руси праздновали Роду и Рожаницам. См.: Голубинский. Ист. Р. Ц. 1, 2, 855.

⁶ K. Piper. Einleitung in die monumentale Theologie. 1867, s. 54–69.

⁷ E. Kraus. Ueber Begriff, Umfang, Geschichte der christlichen Archaologie. Freiburg, 1879.

ратуры и догматики. Все эти отделы, принадлежащие разнородным специальностям, связываются у него единством обрабатываемого материала. Но соединить на этом основании все эти доктрины едва ли возможно, особенно при теперешнем состоянии монументальных сведений, и во многих случаях пришлось бы ограничиться лишь отрывочными данными, а не целостным научным изложением каждой части. Поэтому более практичные и осторожные систематики нашей науки ограничиваются лишь тремя отделами: 1) историей древнехристианского искусства, к которой присоединяются еще две особые отрасли – эпиграфика и нумизматика, 2) топографией христианского искусства и 3) методикой самой науки.

Впрочем, при той или другой постановке нашего предмета для обработки его требуются очень широкие вспомогательные научные средства, так что едва ли другая какая специальность нуждается в таком множестве предварительных знаний, как археология. Многие, правда, злоупотребляли и злоупотребляют этим названием и считают археологом вовсе не того, кого следует. В старину малограмотный коммерсант, накупивший у букинистов старых книг и составивший коллекцию разных диковинок, уже считался археологом; искатели материальной наживы, копатели кладов также имели притязание принадлежать к деятелям на археологическом поприще; да и теперь многие любители редкостей, не имея ни солидного образования, ни ученой подготовки, слынут под этим незаслуженным именем, на самом же деле мало чем отличаются от гробокопателей и старьевщиков. Археолог должен быть лингвистом, обладать солидным знанием истории вообще и культуры в частности, а для церковного археолога необходимо еще специальное богословское образование и знание церковной литературы. Без этого условия объяснять археологический материал – дело невозможное. Определить его значение в культурной жизни, его связь с той или другой стороной церковного быта можно только при пособии исторических и литературных данных, только с помощью анализа и изучения тогдашней жизни и сохранившихся ее остатков. Копатели и собиратели нужны только как рабочая сила, как добывательный аппарат, да и тот может достигнуть своей цели лишь при опытных руководителях. Лица, оставившие видный след в истории нашей науки, были разносторонними учеными и удивляли своей эрудицией. С этим обширным кабинетным образованием они соединяли еще настойчивость, трудолюбие и способность к продолжительному и упорному труду. Таков, например, был знаменитый Бозио (род. около 1576 г.), с лишком триста лет тому назад принявшийся за изучение римских катакомб. В Риме, в библиотеке Santa Maria della Vallicella, сохранилась масса собственноручных его заметок, извлечений и трактатов, составляющих четыре больших тома – более, чем тысячу листов *in folio*. Из этой гигантской работы видно, что он перечитал едва ли не всех известных в то время восточных и западных отцов церкви и писателей, был знаком с соборными актами и постановлениями, со всей литературой житий святых, с церковными историками и богословами, и, кроме того, с обширной литературой классиков и средневековых путешественников. Приступив к делу с такими серьезными научными средствами, он в 36 лет сделал гораздо более, чем его преемники чуть ли не в продолжение двух столетий. И вот причина, почему его исследования до сих пор остаются трудом капитальным и не теряют своей цены при теперешних работах в области катакомб, несмотря на то, что они ведутся очень опытной рукой и при гораздо лучших научных и технических условиях.

Что касается наших ближайших, школьных целей, то здесь я ограничусь общим указанием лишь на главные вспомогательные научные отрасли; в ряду этих последних назову преимущественно классическую археологию и историю. Христианство возникло и развивалось на почве античного мира, который ко времени его появления достиг высокой степени развития особенно в культурном и бытовом отношениях. Эти формы составили ту историческую среду, в которой вращался современный христианству греко-римский мир. Таким образом, почва, на которой происходило первоначальное развитие христианской жизни, была пропитана традициями многовековой жизни античного мира, и едва ли не большая часть этих эле-

ментов, и надобно сознаться, элементов, обладавших особенной устойчивостью, относилась к быту того времени и отчасти удержалась в художественной и богослужбной жизни христианства. Что бы ни говорили о дряхлости отживавших свой век учреждений и форм античного мира, история опытом многих столетий разрушает эту научную иллюзию. Оказывается, что новые начала, внесенные христианством, входили в эту одряхлевшую жизнь путем кровавых жертв и изумительных усилий. От этой сильной зависимости не была даже свободна эпоха начинавшегося торжества христианства. Взглянем ли на монеты Константиновой эпохи и целого ряда его преемников, и мы увидим на лицевой стороне этих монет, рядом с крестом и монограммой Христа, языческий штемпель в виде крылатого гения, богини победы и других античных символов; спустимся ли из этой официальной сферы в область житейских отношений, и мы увидим силу язычества в массе бытовых форм, в обычаях и суевериях, с которыми христианские моралисты ведут постоянную борьбу в V–VI и сл. веках. При такой живучести языческих форм жизни, как бы мы ни стали представлять отношение к ним Церкви – в виде ли резкого протеста или более снисходительного отношения – все равно, *мы не поняли бы происхождения и задачи многих христианских учреждений, если бы вздумали игнорировать обстановку, среди которой они возникли и сложились.* Хотим ли мы понять ход развития церковного искусства в области архитектуры и иконографии, нам нужно обратиться к памятникам тогдашней античной живописи и зодчества. Катакомбная живопись носит следы античных образцов и стоит в тесной связи с теми остатками классической живописи, которые сохранились в Помпее и Риме. Христианские храмы в их установившемся архитектурном типе ведут свое начало от римских базилик и отсюда заимствовали мотивы для отделки и украшений. Церковные одежды в довольно значительной своей части были бы необъяснимы без знания римского костюма того времени. Словом, *без археологии греко-римской археология церковная стала бы книгой без начала, и эта потеря первого листа из нее была бы невознаградивой утратой для истории церковного быта и древнехристианских отношений.* Пособие классической археологии особенно чувствительно при разъяснении вопросов, относящихся к быту и древностям христианским за тот период, когда историческая жизнь испытывала на себе влияние классического мира, и когда этот последний жил и действовал, как твердое мировоззрение и живой исторический фактор. Первые пять-шесть столетий христианской эры были окрашены этим античным колоритом, и почти вся тогдашняя жизнь еще держалась на классической основе. Падение Рима под натиском пришлых народов, выступление на историческую сцену германцев и образование восточной римской империи или византийского мира дают новое направление тогдашней исторической жизни и пускают в ход такие формы искусства и такие отношения в быту церковном и житейском, которых не знал античный мир и которые противоречили его основному строю. Теперь в области церковного обряда и искусства постепенно начинают сказываться разности между Востоком и Западом; они принимают с течением времени резко выраженную форму, и теперешний обряд нашей русской церкви есть уже отчасти результат этого обособления. Вся наша церковность, наше богослужение, наши канонические отношения носят на себе печать византийской отделки и известны нам больше не в древнехристианской, а в этой тоже древней и не менее характерной форме. Таким образом, понять смысл теперешнего церковного обряда и определить характер существовавшего у нас некогда искусства нельзя иначе, как в связи с церковной и отчасти политической жизнью средневековой Греции. Эта задача лежит на особенной обязанности нашей науки и составляет существенное отличие ее постановки в сравнении с западной школой. Там изучают церковные древности, главным образом, в пределах обозначенного нами классического периода. Дальнейшую разработку предоставляют разного рода историческим отраслям. Не так должен смотреть на дело русский церковный археолог. Он обязан иметь дело не с первохристианскими только церковными древностями, но с искусством и богослужением еще и греческой церкви, которые перешли к нам вместе с верою, развивались у нас параллельно движению обряда и искусства в

Византии. Древнехристианское искусство и богослужение представляют первый шаг и зачатки художественного и литургического движения, и, зная только этот первый шаг, мы слишком мало поняли бы в богослужении и церковном искусстве позднейшем. Такова в главных чертах задача нашей науки.

II

Где, когда и кем положено начало собиранию и изучению памятников христианского искусства. Замечательнейшие из западных музеев христианских древностей. Собрания русских церковных древностей. Система монументального богословия проф. Пипера.

Соответствуют ли этой задаче наличные средства, которыми располагает наука церковных древностей в настоящее время, и как высок вообще уровень, до которого поднялась она в своем историческом развитии? Отвечая на этот вопрос, я должен сказать, что церковная археология есть явление сравнительно молодое и что она далеко отстала от других богословских отраслей, и раньше начавших свое историческое поприще, и скорее достигших обработки. В этом отношении была особенно несчастлива именно история церковного искусства. Как-то долго люди науки не могли додуматься до признания важности изучения памятников христианского богослужения; да, кроме того, собрание и приобретение их требовало больших расходов, было соединено с затруднениями, которые отталкивали научную любознательность и способны были охладить самое настойчивое усердие. Успеху монументальных работ немало мешала исключительная, церковная точка зрения, с которой смотрели на задачи церковной археологии ее случайные деятели.

Занятия церковными древностями начались с эпохи Возрождения, и в эту, собственно, пору положены были первые зачатки собирания и научного изучения памятников христианского искусства. Но так как вкусы того времени тяготели к искусству и литературе классического греко-римского мира, то памятники искусства церковного затрагивались лишь мимоходом, случайно, – когда на них наталкивались при поисках за антиками. Переселение многих ученых греков в Италию после катастрофы, постигшей Константинополь в 1453 году, было побудительным мотивом к занятию этим предметом. В числе первых эмигрантов из Константинополя оказалось немало людей науки, владевших не только в совершенстве греческим языком, но и знанием классической древности вообще. Принятые с полным радушием в Италии, они сделали учителями в высших школах Рима, Флоренции, Болоньи и некоторых других городов и повели дело с таким успехом, что довольно скоро приобрели себе достойных учеников и продолжателей, а через них пропагандировали изучение классических древностей не только в самой Италии, но во Франции и Германии. Под влиянием этих стремлений, итальянские ученые предпринимали многочисленные путешествия для отыскивания памятников искусства, ездили по соборам, церквам и монастырям, посещали библиотеки и архивы и отовсюду извлекали предметы старины. Более систематические труды по части христианского искусства начались с Рима и его памятников. Онуфрий Панвинио первый занялся описанием базилик Рима, а бессмертный Бозио, как я уже упоминал о том, отважился проникнуть в римские катакомбы и привел в известность массу древнехристианских памятников первоначального зодчества, фресковой живописи и скульптуры, с которых, собственно, и началась научная разработка истории христианского искусства. По следам этих тружеников шли их продолжатели. Не довольствуясь находками, они стали составлять из них собрания, и небогатые на первый раз коллекции антиков послужили основанием для обширных музеев, которые стали появляться на Западе с половины XVII века. Из многих учреждений этого рода следует назвать и в самых общих чертах познакомиться с некоторыми, наиболее замечательными по количеству и качеству собранного в них монументального материала. Во главе их по старшинству и по содержанию бесспорно нужно поставить Ватиканский музей в Риме. Он был основан в половине позапрошлого века папою Венедиктом XIV (1740–1758). Помимо громадного количества художественных и бытовых произведений греко-римского мира, в состав его вошли преимущественно памятники искусства, извлеченные Антониом Бозио и его многочисленными продолжателями из катакомб, а самое учреждение музея совпало с временем нового исследования

римских подземелий, произведенного Боттари. Это самое богатое и ценное собрание предметов христианской древности. Здесь все памятники – древнехристианские саркофаги, надгробные плиты, диптихи и т. д. и т. д. – в оригиналах и дают исследователю такой обширный материал, которого не отыщешь нигде более. Этот музей постоянно затем пополнялся, и, когда в 50-х годах прошлого столетия теперь уже покойный де Росси предпринял свое исследование римских катакомб, прежнее помещение Ватикана оказалось недостаточным, и папа Пий IX в 1854 г. открыл новое отделение в Латеранском дворце, вследствие чего этот отдел в отличие от Ватиканского музея называется Латеранским. Сюда вошли многочисленные эпиграфические коллекции, остатки фресковой живописи, множество надгробных камней с рельефными изображениями символического и исторического характера – главным образом, предметы, добытые исследованиями патера Марки и его даровитейшего ученика Росси, а из Ватиканского музея перемещена часть богатой коллекции древнехристианских саркофагов и знаменитая статуя Ипполита Римского. Римский музей, основанный еще в XVII веке иезуитом Кирхером, известен ученому миру своей богатейшей коллекцией древнехристианских светильников, мраморной статуэткой Доброго Пастыря и карикатурным изображением распятого с ослиной головой. Не говорим уже о том, что, помимо названных собраний, весь «вечный город» в его целом: Рим подземный – с его неисчерпаемыми богатствами древнехристианского быта и искусства и надземный – с его базиликами, блестящими драгоценными мраморами, представляется нам единственным в своем роде и ни с чем не сравнимым, прежде всего, церковно-археологическим музеем.

Во Франции и Германии изучение христианского искусства долго не возбуждало такого широкого интереса, как в Италии, а потому и музеи являются здесь позже. По своему составу и содержанию они относятся или к Востоку и древнеклассическому миру, или к средневековой эпохе и заключают, главным образом, памятники романо-византийской эпохи, немецкой готики и стиля возрождения. Имея больше местное значение – для христианской археологии Франции и Германии, для нас потому они не особенно важны. Но, зато в Берлине есть образцовое учреждение этого рода, приспособленное к систематическому, строго научному изучению христианского искусства и, несмотря на отсутствие оригинальных произведений, заслужившее себе европейскую известность. Разумею относительно небольшой музей христианских древностей при Берлинском университете. Инициатива этого учреждения и дальнейшие труды его по его устройству принадлежали известному берлинскому профессору Пиперу в сообществе некоторых западных ученых, содействовавших учредителю своими трудами и отчасти материальными средствами. Опираясь на эти средства, Пипер уже в 60-х гг. прошлого столетия видел свое предприятие осуществленным и прочно обеспеченным в своей дальнейшей будущности. Так как этот музей образцовый и лучше других соответствует целям научного изучения христианского искусства, то я и остановлюсь несколько подробнее на передаче его содержания. Расположение предметов искусства в музее сделано опытной рукой, а главное, проникнуто живой исторической мыслью, проведенною систематически в общем плане и деталях этого замечательного учреждения, представляющего как бы очерк христианской культуры по монументальным данным. Первый отдел музея носит название «преддверия христианства» и изображает переходный момент от политеизма к монотеизму, насколько он отразился в произведениях последней эпохи языческого греко-римского мира. Здесь помещены памятники античного искусства, в которых обнаруживается возвышение религиозного сознания от грубой политеистической формы представления к единобожию и в которых как бы отразилось предчувствие христианского откровения. Здесь размещены картины помпейской живописи, снимки с монет, гемм и надписей на различных предметах античного искусства, как например: «Высочайшему Богу, вечному Богу», также изображения богинь вечности и провидения. Бюсты греческих и римских философов, возвышавшихся над представлениями народной религии, дополняют содержание этого руководительного отдела и переводят зрителя к

главному, т. е. древнехристианскому. Сюда вошли, прежде всего, надгробные надписи, извлеченные из катакомб, снятые с саркофагов Рима, Флоренции, Германии и Франции. За этим эпиграфическим отделом располагается отдел церковной архитектуры с дополняющими его предметами утвари. Здесь помещены планы и модели важнейших произведений церковного зодчества, начиная с катакомбных крипт до позднейших произведений романского и готического стилей. Рядом с архитектурным отделом идет серия памятников христианской живописи и скульптуры. Этот чрезвычайно любопытный отдел включает множество снимков и оригиналов, начиная самой древней эпохи христианства до памятников средневековой живописи и произведений итальянской школы. В параллель с этим размещено там и здесь большое количество снимков с миниатюр на древних рукописях и образцы палеографические. Говоря вообще, Берлинский музей не богат количеством собранных предметов и имеет очень немного оригиналов, так что в этом отношении он уступает не только известнейшим музеям Италии, Англии и Франции, но, может быть, и некоторым частным собраниям. Но то, что дает ему особенное значение в ряду других, – это план его устройства и строгая систематичность, благодаря которой Берлинский музей является образцом научно устроенных собраний этого рода и может служить к наглядному ознакомлению не только с замечательнейшими образцами, но и целыми эпохами христианского искусства.

Что касается до собраний древностей, находящихся у нас, то они состоят большей частью из предметов старорусского быта и церковного искусства и из весьма немногих памятников византийских. Связь между теми и другими понятна сама собой, и о ней я распространяться не буду. Замечу только, что предметы нашей родной старины еще далеко не все приведены в известность и описаны, а главное, рассеяны по церковным, монастырским и соборным ризницам, по музеям археологических обществ и институтов, епархиальных церковно-археологических комитетов и губернских архивных комиссий, по магазинам антиквариатов и домам частных владельцев-любителей древностей. Для знакомства с церковным искусством на Руси особенно важны цельные собрания церковных древностей при Академии Художеств, Музее Императора Александра III, Московском Румянцевском музее и Киевской Духовной Академии. Из коллекций византийско-русской старины, собранных в Румянцевском музее, особенного внимания церковного археолога заслуживают: собрание икон и утвари, привезенное с православного Востока Севастьяновым, и многочисленные снимки с миниатюр замечательных Афонских рукописей. Необычайно быстро, благодаря, главным образом, щедрым пожертвованиям частных лиц, развившийся археологический музей при Киевской Академии всегда будет возбуждать глубокий интерес в церковных археологах своей богатой коллекцией в высшей степени разнообразных, редких и дорогих древнегреческих и русских икон. Нечего и говорить, что Синодальная ризница в Москве представляет богатейшее собрание подлинных предметов церковной утвари и облачения, начиная с XIV века; особенно же их много от периода патриаршего. Однородные с ней собрания находятся в ризницах лавр Троице-Сергиевской и Киево-Печерской, Киево-Софийского и Новгородского Софийского соборов и в некоторых других церковных хранилищах. Здесь бесспорно уцелели драгоценные памятники нашей церковной старины, по которым наглядно представляешь себе обстановку нашего старинного богослужения, быт высшего духовенства и монашества и много других явлений нашей церковной жизни.

Но все эти собрания носят местный, условный отпечаток и не дают понятия о ходе искусства на Руси, о движении нашей культурной жизни. Для этой последней цели очевидно нужны собрания систематические или научно-организованные музеи, сила которых не в количестве материала, но в его подборе, не в числе оригиналов, а в последовательном расположении слепков, снимков и фотографий, воспроизводящих наиболее типичные памятники минувшей жизни. В этом отношении может оказать важную услугу нашей исторической и церковно-археологической науке открытый в мае 1883 года Императорский Российский Исторический музей в Москве. В настоящем своем виде он не оправдывает еще вполне плана, по

которому был задуман, но все же представляет весьма солидное начало осуществления положенной в его основу грандиозной мысли «наглядно изобразить русскую церковную и бытовую жизнь посредством вещественных памятников, сохранившихся на русской почве». В настоящее время открыто лишь тринадцать залов. Собранные в первых пяти залах предметы обнимают культуру первобытного населения теперешней территории России; по ряду предметов, бывших в употреблении за этот доисторический период, эпоха эта известна в науке под именем каменного, бронзового и железного века. Далее, в шестой зале, идут памятники эллино-скифские или остатки могильных сооружений и предметов утвари, принадлежавших варварским племенам, кочевавшим в южных степях России; за ними следуют памятники быта и искусства греческих племен, некогда населявших наше Черноморье. Эти поселения образовались из греческих колоний, которые выселились на берега Эвксинского понта для торговых сношений, завели здесь конторы, гавани и перенесли культуру своей родины. Первые следы их относятся к VII в. до Р.Х., а самыми древними из этих поселений были Пантикапея у Керченского пролива и Ольвия при устьях Буга.

Христианские памятники (в зале В) начинаются находками на месте древнего Херсонеса, находившегося совсем неподалеку от нынешнего Севастополя. Херсонес, где крестился ев. Владимир, был передаточным пунктом, через который церковная жизнь и богослужбная обрядность Византии перешла на Русь, и когда Владимир Святой построил в Киеве свою знаменитую Десятинную церковь, то, выражаясь словами летописца, «вдал в нее все, еже бе взял из Корсуны: иконы, сосуды и кресты». Восточная окраина Черноморья (зала Б), или теперешнее наше Закавказье, была тоже занята греческими поселениями, хотя и не так густо, как его северный берег. Но некоторые местности Закавказья, например Пицунда и Кутаиси, сохранили и до сих пор остатки греческого христианства в каменных крестах, в разного рода развалинах архитектурных памятников, например, в Кутаисском соборе, выстроенном в половине XI века.

Но памятники церковного искусства на Руси древнейшей эпохи не были нашим национальным произведением: они взяты или готовыми из Византии, или представляют их подражание. А византийские памятники, со своей стороны, составляют продолжение, видоизменение и переработку форм искусства древнехристианского. Поэтому для сознательного изучения древнерусского искусства необходимо привести и поставить его в связь с этими древнейшими прототипами. Этой последней цели, собственно, и должна служить круглая зала (А) в Историческом музее, напоминающая своей архитектурой храм св. Софии в Константинополе. Зала эта и по сие время далеко не заполнена, и в ее составе чувствуются очень крупные пробелы, но и то, что успели сделать для ее пополнения заслуживает серьезного внимания в научном отношении. В куполе этой ротонды, в простенках между верхними окнами, находятся лицевые изображения из катакомб, в сводах с их парусами – снимки с некоторых равеннских мозаик и несколько изображений из св. Софии Константинопольской. Здесь же, посредине залы, красуется вышеназванная нами статуя Ипполита Римского, до сих пор нигде еще не воспроизведенная в слепке; саркофаг Юния Басса половины IV века из крипты св. Петра в Риме и еще несколько образцов того же рода из Латеранского музея. Дальнейшие приобретения позволяют надеяться, что эта зала сослужит хорошую службу для занимающихся церковной археологией и даст снимки с таких предметов, которые не для всех доступны даже и на месте нахождения их подлинников. Последующие две из открытых зал (7 и 8) заняты, главным образом, памятниками Киевской Руси. В одной из них помещены предметы древности с 988 г., т. е. года крещения Руси, до 1054 года – смерти Ярослава I; во второй – с 1054 года до 1125 года, заканчивая княжением Мономаха. Из предметов, собранных в них, заслуживают особенного внимания превосходно исполненные копии с мозаических изображений Киево-Софийского собора, каковы: Тайная Вечеря под двумя видами; Благовещение, на котором Богородица изображена с клубком пурпуровой пряжи в руке и веретеном; слепок с древнего колокола, найденного в Десятинной церкви; гробница Ярослава Мудрого; кальки с жанровой стенописи в

притворе Киево-Софийского собора, изображающей, по-видимому, эпизоды великокняжеской охоты и некоторые сцены из византийского цирка. Последние пять зал заняты памятниками Великого Новгорода со Псковом, Владимиро-Суздальской области и Москвы.

Высокий интерес, которого достигло изучение церковного искусства, вызвал длинный ряд выдающихся трудов на Западе и у нас по этой части, благодаря которым литература нашего предмета обогатилась капитальными пособиями. Не будем перечислять этих замечательных произведений учености, трудолюбия и симпатий к церковным древностям, но остановимся на одном из них, в котором лучше других, на мой взгляд, выяснено важное значение памятников церковного искусства для изучающего христианское богослужение и вообще богословие, и обозначился, так сказать, кульминационный пункт, до которого может подняться, дойти наша специальность в своем историческом развитии. Говоря это, разумею «Введение в монументальное богословие» проф. Пипера, в котором проектирован был в свое время смелый план построения науки церковных древностей⁸. Под археологическими памятниками берлинский профессор разумел все вообще вещественные данные, которые обязаны своим происхождением христианскому сознанию и могут служить выражением религиозной жизни христианского общества в разные эпохи его существования. Но это не есть история христианского искусства, как понимали до него археологию систематики с легкой руки исследователей античной жизни, а, скорее, история внутренней жизни и культурных отношений по монументальным остаткам прошлого. Задача исследователя их, по воззрению Пипера, состоит не в характеристике форм искусства и определении техники, стилей и истории производств, а в тех выводах и приложениях к христианской науке, которые могут быть сделаны на основании этих памятников. В этом пункте монументального богословия лежит центр тяжести всей системы Пипера и окончательные выводы из богатого материала христианских древностей, тщательно им сгруппированных.

Церковная архитектура с ее стилями входит в эту часть преимущественно своей символикой.

Приложение церковной живописи или иконографии гораздо шире и значительнее. Предметы церковной иконографии, как известно, очень разнообразны, и ее содержание заимствуется частью из Библии, частью из истории церковной до последних времен и событий церковной жизни. Благодаря этому широкому содержанию, иконография дает богатый материал для истории Царства Божия на земле и уясняет множество предметов, относящихся к области вероучения и морали. Уже Иоанн Дамаскин в своем слове об иконах сравнивал их с переводами и толкованиями Писания.

Нет нужды говорить, сколько услуг могут оказать в этом отношении нумизматика и эпиграфика, разумеется, христианского периода. В них заключается обильный источник для характеристики первохристианских воззрений на загробную жизнь, на почитание святых, для уяснения первоначальных отношений христиан к языческому обществу и многое другое. Этот материал уже давно стал обращать внимание западно-европейских ученых и вызвал со стороны некоторых из них мысль о построении особенной науки под именем «*Theologia lapidaris*».

Возвращаясь к труду Пипера, я должен заметить, что он ограничился одним введением и не был подвинут вперед ни на шаг. Правда, в этом введении были положены солидные основы новой науки, но самое здание ее не было начато, и вот причина, почему эта смелая и, можно сказать, гениальная мысль, облетев в свое время ученую среду, теперь как бы замерла и отошла со смертью автора в область попыток, правда серьезных, но не оправдавшихся на деле. Да всестороннее оправдание этого плана едва ли и возможно при наличных средствах, которыми располагает теперешняя наука церковных древностей, при далеко еще не законченном собирании ее материалов.

⁸ К. Piper. Einleitung in die monumentale Theologie. 1867, s. 54–69.

Краткий обзор дохристианских культовых сооружений

Почему церковное зодчество должно служить исходным началом чтений по истории церковного искусства. Краткий обзор дохристианских культовых сооружений: мегалитические памятники, обрядовые формы домашнего богослужения, особенности устройства первобытных храмов, греко-римские храмы.

Изучение различных отраслей христианского искусства мы начнем с архитектуры не потому, впрочем, чтобы этот род искусства в самом начале имел видных представителей в христианском мире и на первых же порах нашел прочную почву для своего развития. Этого не было, и надобно сознаться, напротив, что в первые века христианства эта отрасль искусства была поставлена в очень невыгодные условия для своего развития вследствие стесненного положения христиан в греко-римском мире и преобладания между ними, так сказать, домашнего и как бы семейного богослужения. Я беру церковное зодчество за исходную точку своих чтений по истории христианского искусства, имея в виду особенное значение храма для богослужения, а следовательно, и для всех тех форм искусства, которые с богослужением неразрывно связаны. Храм, в каком бы несовершенном виде мы ни стали представлять его себе, есть постоянное средоточие литургической практики, как бы она ни была проста и малосодержательна: эта последняя, т. е. богослужebная практика, развивается во всей широте только там, где существуют постоянные места молитвенных собраний и где единичное религиозное чувство получает характер общественный. Можно, конечно, представлять себе религию и без храмов, но эта религия всегда будет бедна внешней обстановкой, и в области такого отвлеченного, внутреннего богопоклонения нет места для искусства и обрядовых символических форм. Как, например, может развиваться вне храма церковная живопись? К чему, при его отсутствии, могут примкнуть или где найдут себе точку опоры многие другие отрасли искусства? Где найдет себе место и усовершенствуется самый богослужebный обряд? История человечества рядом серьезных фактов, в виде монументальных остатков его давно минувшего быта, убеждает нас в той исторической аксиоме, что первые проблески искусства приурочивались к первым памятникам религиозности, были ли то могилы, жертвенники или идолы в виде грубо отесанных камней. Но, прежде чем религиозное сознание дошло до идеи храма в его законченном виде, прежде чем богослужение развилось настолько, чтобы вызвать необходимость систематически устроенных зданий этого рода, искусство должно было пройти через целый ряд форм, в которых последовательно и мало-помалу выражалась религиозная идея и постепенно слагался и выросал образец храма со всеми его литургическими приспособлениями. Работа человечества над созданием этого святилища длилась целые тысячелетия; едва ли не каждое поколение клало свой новый камень в это величественное здание, пока не выработало его идеального типа, который, как мне представляется, осуществился всего полнее и целостнее в христианских храмах цветущей эпохи Церкви. Но это уже конец пути, пройденного самим христианским храмом; посмотримся, насколько позволяет даль почти девятнадцати веков, в его начало и постараемся уяснить себе прежде всего то, как отнеслось христианство к храмовым и вообще архитектурным типам, выработанным дохристианским миром, чем и как воспользовалось оно, и с чего, собственно, началась история христианского храма; наметим хотя бы главные пункты этой сложной многовековой религиозно-строительной работы.

Первобытная эпоха человечества более известна нам по догадкам и более или менее вероятным соображениям, чем по достоверным данным. О жизни и начальных внешних формах богослужения первобытного человека мы знаем или по аналогии с бытом теперешних некультурных племен, или по сравнительно позднейшим историческим отзывам; вещественные же остатки его быта проясняют судьбу архаического храма лишь в самой слабой степени. В начальной стадии религиозного сознания, по-видимому, вся природа была тем обширным храмом,

в котором божество являлось первобытному человеку, проявляло свою силу, и где оно обитало, по его представлению. Сам живя под открытым небом или где-нибудь в пещере или землянке, он не привязывал, как кажется, прочно своих религиозных представлений к определенному месту и потому был далек еще от мысли о храме. Но со временем он пытается, как бы сказать, локализовать свои религиозные представления, приурочивает присутствие божества непременно к известным местам, которые и становятся первыми центрами богослужения, прототипами в некотором смысле позднейших храмов или, лучше сказать, их фундаментом и краеугольным камнем. Эти места человек старался отличить, отметить каким-либо видимым знаком, посвящал их божеству и приспособлял их к отправлению своих религиозных обрядов. Таким образом закладывалось, кажется нам, первое основание храма. Легко понять отсюда ту тесную связь, в которой стояла первая идея храма или святилища с возникновением религиозной обрядности и появлением первых устойчивых знаков набожности. Но, с другой стороны, и первый камень храмового здания есть результат присущей человеку потребности выразить свое религиозное чувство во внешних формах: отнимите у него эту потребность, ограничьте область его религиозной жизни одним сознанием божества – и ему не будет надобности приходить для своих сношений с божеством на условное место, тем меньше – ставить на нем какое-либо изображение или жертвенник.

Разнообразными соображениями или, лучше сказать, впечатлениями руководился первобытный человек в выборе места и обстановки для своих религиозных отправлений, и, конечно, выдающиеся явления природы, воспоминания о знаменательных приключениях, совершившихся здесь или там, наконец, общие символично-поэтические представления определяли такой выбор и прикрепляли религиозное сознание к готовым центрам. Дремучий лес с его тайнами, широко раскинувшиеся многолетние деревья, пещеры и гроты в местностях гористых, берега рек и озер – привлекали религиозное чувство человека и указывали ему место для жертвенника. От этой эпохи сохранился для нас образчик храма в так называемом жертвеннике и могильном камне. Иногда тот и другой смешивались, но иногда существовали отдельно, и это обособление сделалось особенно заметным в эпоху более развитого религиозного культа. Я не буду приводить тех мест из Библии, которые указывают на существование и религиозное употребление жертвенника во времена патриархальные, ни указывать на многочисленные данные этого рода культовой практики в мире языческом. Предания об этих временах еще сохранились в памяти истории; средневековый быт, известия древних западных миссионеров, свидетельства наших летописей и множество других исторических памятников говорят нам, что примитивный жертвенник очень долго держался в дохристианском быту народов и упорно отказывался уступить свое место влиянию проповедников христианства. В постановлениях церковной власти и в известиях летописцев мы то и дело находим указания на *arbores, saxa, lapides, fontes* (деревья, скалы, камни, ручьи), которые служили притонами культа у народов средней Европы, с жрецами и кровавыми жертвами, с целым строем обрядов. До нас сохранились и живые свидетельства этого культа в разного рода погребальных и жертвенных сооружениях первобытного человека. Уже давно они обращали на себя внимание историков и туристов, но научная обработка и классификация их началась недавно, а еще позднее уяснилось их первоначальное назначение.

Самое древнее, что мы имеем для знакомства с этими памятниками, принадлежит к так называемым мегалитическим сооружениям. Мегалитические памятники, понимаемые в широком смысле этого слова, обнимают древнейшие сооружения человека, сделанные из огромных камней и имевшие погребальное или жертвенное назначение. Они сложены без цемента из огромных плит или каменных масс и получили под рукою человека лишь слабую обработку и самое примитивное техническое приспособление. По своему происхождению они относятся к доисторическому быту человечества и составляют первые памятники его религиозного зодчества. «Хотя в них нет еще стремления к художественной отделке или тонкому изящному

вкусу, – замечает один русский их исследователь, – а проявляются лишь следы непомерных усилий, потраченных на грубое сооружение, но общий характер этих каменных масс поражает диким величием. Невольно удивляешься тому неизвестному народу, который одними руками, быть может, без помощи механических орудий, в состоянии был передвигать эти огромные массы и громоздить их одну на другую. Понятным становится, смотря на огромную величину плит и колоссальные обломки дикого камня, отчего народное воображение приписывало эти первобытные сооружения великанам»⁹. В географическом отношении область этих памятников очень широка; она обнимает северную и среднюю полосу западной Европы, южный край России, затем перебирается за Урал и Алтай и захватывает часть Нового Света, а по своим представителям распадается на несколько классов.

Познакомимся с простейшими и более известными формами этих монументальных сооружений. Самыми древними между ними надобно считать пещеры. Они представляли для первобытного человека готовое убежище, служившее и жильем, и защитой, и похоронным склепом. Здесь находили много остатков его архаического быта в виде кремневых или каменных орудий, как-то: топоров, ножей, стрел, копий, и некоторых предметов из бронзы: колец, шейных украшений и других предметов домашнего быта. В некоторых пещерах уже заметны слабые следы орнаментации. Готовое помещение, данное природой, первобытный человек старался украшать и убирать, накладывая таким образом свою печать на произведение природы. Он покрывал письменами или, лучше сказать, нарезками и геометрическими рисунками стены этих неприхотливых помещений; здесь находимы были, хотя и изредка, грубые изображения животных и рыб, нацарапанные на камне или на кости острым орудием. Эти первобытные пещеры были заняты потом людьми высшей и, говоря относительно, уже культурной расы, которая в этих экскавациях сделала могильники и применила подземные гроты к устройству храмов. Так было в Индии, так появились пещерные церкви Сирии и Палестины, переделанные из пещер руками христианских пустынников.

Более специальное назначение имели курганы, tumuli. Так называются конусообразные земляные насыпи, покрывавшие могилы и служившие, кроме того, местом для религиозных церемоний. Происхождение курганов относится к отдаленному доисторическому периоду жизни человечества и граничит с первыми проблесками культуры и с зародышами погребальной практики. Исторические известия о курганах значительно опоздали против первых опытов этого рода сооружений и относятся к историческому периоду человечества. Я не буду вдаваться в подробное описание строения и назначения древних курганов, ни останавливаться на религиозных обрядах, которых они были свидетелями; ограничусь лишь общим замечанием, что могилы были древнейшими центрами культа и предупреждали собою появление специально молитвенных зданий, или храмовых построек. Многие из курганов, разрытых в средней Европе и в пределах южной России, судя по открытым в них предметам домашнего быта положенным вместе с покойником, принадлежали так называемому каменному периоду и появились, по-видимому, в ту эпоху, когда человек еще не знал употребления металлов, обходился одними орудиями из камня или кости. В истории храма могильные сооружения, как древнейшие центры культа, занимают видное место и со стороны архитектурной. Мы увидим впоследствии подражание формам tumulus'a в архитектурных постройках позднейшего времени и применение их к устройству храмов.

К первобытным сооружениям того же религиозно-обрядового типа принадлежат еще так называемые *кельтские* или *друидические* памятники. Но употребляя это название, я должен оговориться, что оно неточно и, если доселе еще не изгнано из книжного языка, то лишь в силу давности и благодаря привычке. Кельтские памятники явились с этим названием благодаря тем ученым, которые впервые исследовали их в средней Европе и приурочили к народности

⁹ Гр. А.С. Уваров. Мегалитические памятники в России. См.: Древности. Труды Моек. Археол. Общ. VI, 270.

кельтов и к их религии друидизма. Теперь найдено, что друидические памятники принадлежат чуть ли не всей Европе, встречаются в Африке, в Новом Свете, а при дальнейших изысканиях обещают сделаться достоянием всего мира. Поэтому вопрос о народности древних строителей так называемых кельтских сооружений теряет свою силу и должен быть решен согласно с историческими и этнологическими данными той страны, которой принадлежат эти памятники. Самые их названия – дольмены, менгиры или пельваны, кромлехи – обязаны условному языку исследователей и заимствованы из старого кельтского языка¹⁰. *Дольмены*, или каменные столы, сложены из огромных неотесанных камней и имеют вид стола, верхняя доска которого лежит на двух, трех или четырех каменных плитах, поставленных ребром. Доска эта иногда лежит наклонно и покрыта бороздками для стока жертвенной крови и возлияний. Иногда камни бывают покрыты письменами и грубыми рельефами, что дает понятие о проблесках эстетического чувства у первобытных поселян данной местности. Иногда же дольмены бывают сложены из целого ряда каменных глыб, расположенных в виде стенок, покрытых сверху и представляющих как бы камеру или галерею. Какое назначение имели дольмены? На этот вопрос являются два решения и с одинаковым правом. Одни считают их остатками первобытных жертвенников, другие – могильными ящиками и гробницами, в которые клали умерших. Но для нас в данном случае нет большой важности, на какой стороне останется первенство, потому что, оставив за ними и специально-погребальное назначение, мы должны будем отнести их к разряду культовых памятников. Положительно доказано, что обряд погребения составлял одну из самых ранних форм культа, во все времена тесным образом связывался с религиозными обрядами и на местах погребения всего чаще приносили жертвы. Раскопки, сделанные в недавнее время в Крыму, показали, что под грудой камней лежали кости. Иногда же под покрывшей, как бы в ящике, открывали костяк в полулежащем положении, прислоненным к стенке дольмена, как бы сидя. На основании одного древнего объяснения, это положение давали погребенным по аналогии с положением младенца в утробе матери, а умершие, по представлению древних, сходили в землю как бы в лоно общей матери – природы. Значит, дольмены в первобытную эпоху служили вместо гробов, куда клали покойника, как в ящик, и где до сих пор в этом сидячем положении сохранились скелеты.

Менгиры или *пельваны* имеют вид более или менее высокого столба, сложенного из камней. Вершина его иногда представляет сужение или расширение, и весь камень в последнем случае получает вид опрокинутого обелиска. Иногда пельваны покрыты надписями и изображениями, но чаще не имеют никакой отделки и представляют грубую массу нагроможденных камней (глыб). И до сих пор не решено положительно, какое назначение имели памятники. Одни полагают, что это были могильные сооружения, другие что это были грубые изображения идолов, подобные каменным бабам, находимым в южной полосе России. Но что бы они ни означали, их религиозное назначение не подвержено никакому сомнению. Что около них были приносимы жертвы, на это указывают находимые около них в небольших вырытых ямах кости, уголь и зола. Очевидно, это остатки производившихся здесь жертвоприношений, а может быть, и остатки человеческих жертв, которые были приносимы на месте каких-либо замечательных событий или вблизи кладбищ. Соединение нескольких пельванов, расположенных в форме круга или эллипса, составляет так называемые кромлехи. Кромлехи принадлежат к числу древних памятников, оставленных аборигенами средней Европы, и отмечены определенным религиозным характером. Кромлехи суть не что иное, как священная ограда, обозначавшая место, избранное для жертвоприношения и посвященное какому-либо божееству. Это назначение ясно видно из того, что посередине кромлеха иногда находится дольмен, как жерт-

¹⁰ Dolmen = dol – камень, maen – стол; menhir = maen – камень, hir – длинный; cromlech = crom – очертание, окружность, lech – место. Названия составлены из слов кельтского языка ученым Бодэном (Baudin). См.: Древности. Труд. Моек. Арх. Общ. VI, 271.

венник. Кромлех, таким образом, более сложная, более обставленная форма древнего жертвенника, близко граничащая с эпохой появления храмов в виде огороженных или обсаженных деревьями пространств, имевших религиозно-культовое назначение. Миссионер Лафито, посещавший Северную Америку, говорит, что видел в Индейской Виргинии храм, устроенный в виде подобного кольца или пояса, уставленного каменными столбами. В заключение упомяну еще об одном оригинальном роде памятников, известных под именем каменных баб. Сооружения, известные под этим названием, представляют из себя иногда простые обрубки камня с поставленной на верху их человеческой головой, чаще же имеют вид человеческой фигуры полуобнаженной или вовсе голой с уродливыми очертаниями, говорящими об отсутствии вкуса и крайней бедности технических средств, которыми располагали их строители. Каменными бабами покрыто пространство от верховьев Енисея до устьев Дуная и Черного моря. Довольно попадает их в Екатеринославской и Херсонской губернии, где они встречаются десятками, но все больше и больше исчезают от истребления и от перевозки в разные музеи. В этих грубых изваяниях мы имеем изображения идолов или бюсты покойников, которые были погребены в ближних курганах и память о которых хотели сохранить посредством этих грубых статуй. Первоначальная эпоха их возникновения не обозначена в истории, точно так же, как и первоначальные идеи, вызвавшие их появление; но их жертвенное и религиозное назначение в быту позднейших исторических племен не подлежит никакому сомнению. Путешественник Рубруквис, проезжавший нашим южным краем в половине XIII века, обратил внимание на каменные бабы и был свидетелем связанного с ними религиозного культа. С этими же остатками язычества должны были вести борьбу первые прозелиты христианства, жившие уже много-много спустя после первых насельников этого края и строителей этих статуй. Новгородская летопись говорит о Стефане, просветителе Пермском, что он научил землю зырян вере Христовой, где прежде кланялись зверям, деревьям, огню, воде и золотой бабе¹¹.

Оканчивая на этом перечень религиозных сооружений первобытного человека, мы должны заметить, что сохранившиеся их представители не всегда относятся к примитивной поре человечества, но принадлежат во многих случаях историческим временам. Но и относясь к этой сравнительно поздней эпохе, они обязаны своим происхождением племенам, стоявшим на низшей степени культуры и представлявшим поэтому самому близкую аналогию с бытом архаических племен. Эта аналогия становится тем яснее, что и у современных дикарей мы встречаем подобные же сооружения, и ничто не мешает видеть в них повторение того, что существовало целые века и тысячелетия ранее их появления. Дайте ребенку ящик с деревянными кубиками, и он сейчас же начнет строить из них дольмены, менгиры и кромлехи. Младенческие племена употребляли вместо игрушечного материала глыбы, камни, обломки скал, но делали, в сущности, то же самое. Человек развивался не одновременно на великой поверхности своего земного отечества: одни раньше, другие позже – и вот почему в то время, как Италия и Палестина видели уже первые опыты христианских храмов с их типичной архитектурой, в это же время где-нибудь в Индии или в средней Европе продолжался во всей силе языческий культ со своей примитивной обстановкой; в то время, как в Греции славился Парфенон, в Индии продолжались пещерные храмовые постройки, а где-нибудь в более отдаленном уголке мира, в среде его многочисленных некультурных племен, религиозные обряды все еще приурочивались к дольменам, кромлехам, курганам и другим архаическим формам жертвенника. Не каждый народ проходил через все эти ступени строительной деятельности и не от каждого из них остались следы мегалитических построек, но это нисколько не мешает принимать эти последние за первичные, начаточные формы архитектуры и с них начинать древнейший период ее существования. Здесь мы имеем перед глазами и первобытный строительный материал в виде валунов и необделанных каменных масс, и первобытные технические средства, и самую при-

¹¹ Полное Собрание Русских Летописей. V, 250.

митивную манеру стройки, кое-где определявшуюся самыми первыми и непосредственными идеями символизма. Но, в то же время, и *мегалитические* сооружения – не простые житейские постройки, назначенные для неприхотливых нужд питания, рождения и самозащиты; это не юрты или палатки современного дикаря, но действительные сооружения, поражающие своей громадной формой и имеющие какое-то особенное, выходящее из обыкновенного ряда значение. Это значение мы, не колеблясь, назовем культовым, – это обстоятельство наложило на них своего рода монументальную печать и обеспечило их долговечность. Этим принципом руководились, например, египтяне, которые строили твердые каменные гробницы, как вечное жилище для своих покойников, между тем как свое обыкновенное жилье строили на скорую руку, и от него не осталось и следа. К таким же привилегированным зданиям относились и жилища богов, то есть храмы, как это доказывают колоссальные развалины последних, сохранившиеся до сих пор и приводящие в удивление каждого наблюдателя.

Таковы те первобытные сооружения, которые послужили первичной формой храмовых построек и к которым человек древнейшего периода приурочивал отправление своих религиозных обрядов. Как легко видеть, все они далеко не удовлетворяли идее храма в позднейшем установившемся смысле слова. Более полную и организованную форму храма мы встречаем в так называемом домашнем культе. Известно, что у древних народов, прежде чем сложился порядок культа общественного, парадного, публичного, богослужение отправлялось в семье и дома, вследствие чего самая обстановка домашнего очага получила некоторые приспособления и изменения согласно с условиями этого патриархального культа. Точкой отправления для создания этой практики послужило почитание умерших членов семьи и родичей под именем покровителей и защитников семейного очага. Обычай хоронить умерших в том доме, где они жили, ведет свое начало из глубокой древности и практиковался на глазах истории у фиванцев. Сначала домашний культ группировался около этих домашних божеств, но с течением времени все больше и больше расширялся, принимая в свою среду более известных представителей многочисленного цикла, под именем лавров и пенатов. Культ этот, общий всем народам, в своей наиболее развитой форме известен из римской практики. По словам Макровия, каждое семейство в Риме отправляло ежегодно свои домашние праздники в честь богов-покровителей. На этих семейных церемониях перед своими пенатами глава семейства пользовался древним патриархальным правом лица литургического или жреца, а семейный очаг превращался на время в религиозное учреждение, в особого рода семейный храм. Как живо сознавалось в римском обществе это религиозное значение отца семейства по отношению к членам его дома, видно из того выражения, которым римская юридическая практика обозначила отношение несовершеннолетнего сына к его отцу. «*A sacris patris dimitti*» – вот формула, которой римлянин обозначил отделение совершеннолетнего члена семейства от опеки родительской. Равным образом и усыновление кого-либо выражалось термином: «*obstringi sacris patris, a quo adoptebatur*». Считаю излишним замечать, что домашний культ римлян нимало не исключал общественных центров богослужения и публичных религиозных обрядов, которые были строго определены законом и имели прочно сложившуюся иерархию. Обычай домашнего культа шел рядом с ним и был отголоском древнейшей практики, общей всем патриархальным народам и некогда во всей силе державшейся у римлян. Внешняя сторона этого культа при всем разнообразии обрядовых подробностей, вносимых каждым семейным кружком, может быть представлена в следующих общих формах. Древние отводили в своих домах особенные помещения для семейных богов и в этих-то молельнях справляли в честь их религиозные обряды. Эти помещения находились во внутренней части дома, откуда и сами боги домашнего цикла получили название: *penates*, от *penitus-penitior, dei penetrales*. Изображения их хранились в особенных ящичках или ковчегах; к последним иногда приделывались дверцы, которые хозяин в случае нужды мог отворять и затворять, вещь, похожая на наши киоты и божницы. Так как домашний культ был в древности очень распространен, то существовал особый цех ремесленников,

которые занимались приготовлением этих ковчежцев. К такого рода ремесленникам принадлежал и упоминаемый в Деяниях Апостольских Димитрий среброковач, который занимался приготовлением серебряных ящичков для изваяний Артемиды Ефесской, культ которой был очень распространен в Малой Азии. Эту домашнюю святыню ставили на стол или треножник, против которого помещался жертвенник, а на этом последнем приносились жертвы и делались возлияния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.